

С ИТУАЦИЯ обострялась тем, что творческая состоятельность партнеров, уже утвержденных на роли, сомнению не подлежала: Иннокентий Смоктуновский, Алексей Баталов, Олег Стриженов, Олег Янковский и Василий Ливанов — им и предстояло стать главными участниками фильма «Звезда пленительного счастья».

Едва ли не в большей степени, чем сам актер, мы, зрители, благодарны теперь тому человеку из съемочной группы, кто вспомнил фамилию (имени тогда еще не было!) молодого актера московского Театра им. Вл. Маяковского, которому суждено было стать главной удачей нового фильма.

Театр был в то время на гастролях. Телефонный междугородный разговор Игорь закончил не лишней оттенка наивности фразой: «Счастлив встретиться в совместной работе».

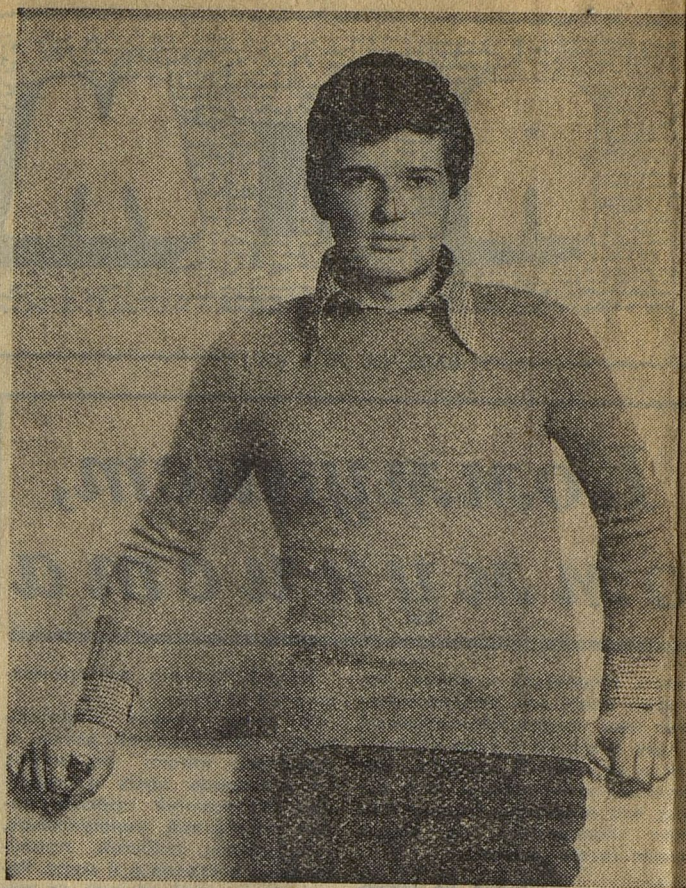
Кавалергард Иван Анненков... Его судьба показалась нам наиболее печальной. И, наверное, как раз потому, что искренность, интеллигентная беззащитность и прямо-таки мальчишеская страсть к безумным чудачествам трагически контрастировали с объективной безысходностью борьбы молодого кавалергарда. Не без мук давалась эта замечательная для Костолевского удача. Вспоминая о совместной работе, режиссер В. Мотыль не скрывает сопровождавших ее трудностей: «Человеческой индивидуальности Игоря присущи многие привлекательные черты: доброта, чистота души, чувство юмора. Однако все эти качества, столь ярко проявляющиеся в личном общении, мгновенно улетучивались перед объективом камеры, и на экране просмотрного зала в кинопробах являлась бледная тень реального человека...»

Едва ли для официального интервью было сделано это малопривлекательное для актера признание. Сейчас-то уже никому не придет в голову представить себе в роли Анненкова не Костолевского. Потому и не будет большой беды, если сегодня вспомнить эти горькие минуты вхождения в большую профессию. Да, с точки зрения многих, к актерской судьбе Игоря вполне подходит сакраментальное «и проснулся знаменитым». Но, как видим, пробуждение это было не из легких...

Вначале обучение в строительном институте и его завершение, правда, не в качестве дипломника, а в качестве абитуриента инзя, Школы-студии МХАТа... Сомнения в верности выбранного пути не оставляли и на курсе А. Гончарова в ГИТИСе им. А. В. Луначарского, где завершились метания двадцатилетнего Игоря Костолевского. И опять-таки, как завершились? По актерскому мастерству первое время едва ли не на последнем месте, но к концу обучения — один из первых, один из немногих, получивших приглашение в Театр им. Вл. Маяковского, возглавляемый его учителем, Андреем Александровичем Гончаровым.

Пока и десятилетием не измеряется профессиональный стаж актера Костолевского. И иные однокурсники, уже известные зрителю по нескольким картинам и спектаклям, нисколько не тревожатся неторопливому течению первых лет артистической биографии. Все, мол, свое время.

Заботы Костолевского иные. Кинематограф, ощутив в определенный момент свое развитие насущную потребность в герое нового лирико-романтического плана (вспомним самую первую ра-

люди искусства

ТА САМАЯ ЗВЕЗДА

Виталий ПОТАПОВ

боту Костолевского — эпизод в кинофильме С. Ростопкина «А зори здесь тихие...»), щедро одарил молодого актера своим вниманием. Перерывов между съемками фактически не было, не было недостатка в растущей ежесекундно популярности, были горы писем, с барометрической чуткостью фиксирующих появление нового зрительского кумира.

Вряд ли кто, кроме самых слепо преданных почитателей, одинаково высоко оценит каждую из этих работ Костолевского. Были откровенные просчеты, была и просто необязательность выхода на камеру в том или ином случае, было горькое разочарование за бессмысленную трату сил в малоудачном материале.

Игорь себя не оправдывает, отвечая на вопросы зрителей, как-то заявил с предельной откровенностью и болью: «Были фильмы, что возникали по инерции... Я не называю эти работы, хотя несу полную ответственность за их просчеты».

Но было и другое. Была еще одна «звезда», открывшая актером на творческом небосклоне, и на сей раз телевизионном. «Безымянная звезда» — она зажглась благодаря румынскому драматургу М. Себастьяну, режиссеру М. Козакову и... Игорю Костолевскому. И опять, как в случае с кавалергардом Анненковым, ни у кого не возникло сомнений в значительности одержанной актером победы.

Удачи и неудачи. Непременные составные вечных парадоксов актерской профессии. Уже сотни раз говорили, что чередование их закономерно и не свидетельствует в пользу чего-то одного. Может быть, когда-нибудь и Игорь спокойно придет к этому выводу, выработает некий иммунитет против злосчастной тельняшечей окраски уготованной судьбы.

Однако есть основания надеяться, что все будет иначе.

Должно быть иначе, если уже сейчас четкий самоанализ каждого прожитого дня стал потребностью молодого мастера. Если недовольство имевшим когда-то место «дежурным» выходом на экран стало поводом для серьезного раздумья о значительности смысла избранной профессии.

Игорь не скрывает своих сомнений. По крайней мере от друзей. Двадцать кинофильмов, десяток театральных ролей — и опять все как в первый раз. Неуверенность, изнуряющее бессилие, неужто все это вечно? А потом хвалебные рецензии, фотографии на обложках журналов, письма, порой начинающиеся и так: «Дорогой Жени...».

И это все о нем, о лауреате премии Ленинского комсомола Игоре Костолевском, кумире миллионов телезрителей, влюбленных в бесхитростную прямоту Жени Столетова, о необычном (или обычном?) новобранце из «Весеннего призыва» П. Любимова, Ганине из тургеневской «Аси», о советском разведчике Андрее Бородине из фильма «Тегеран-43», о бескомпромиссном и мужественном американском инженерере Кларке из нового телефильма «Человек меняет кожу». В какой-то момент Костолевский оказался чем-то вроде беспроигрышной лотереи в угоду некоторым не в меру строптивым режиссерам.

А в журнале «Театр» между тем появляется маленькая реплика учителя: «Сколько хороших актеров затаскали в кинематографе и на телевидении! Как полюбилась, например, милая типажность И. Костолевского, дальше которой его индивидуальность иногда и не видать!»

Боюсь, не захотят понять этих строк многие из поклонников актера. Думаю, трудно представить многих

из них его же с глазами, где грусти куда больше, чем могло бы быть в день опубликования восторженной рецензии или после встречи с почтальоном, вручившим очередную стопку писем.

И, несмотря на столь, казалось бы, абсолютную «кинематографичность» судьбы, главной лабораторией для анализа собственного творчества все-таки считает театр. Свой театр, театр своего учителя, носящий имя великого поэта. Миша Румянцев в «Родственниках» Э. Брагинского и Э. Рязанова, Ашметьев из «Диарки» А. Н. Островского (спектакль сыгран на учебной сцене ГИТИСа), Треплев в чеховской «Чайке», Голубков в «Беге» М. Булгакова... И здесь количество ролей уже немалое. А даются едва ли не труднее, чем перед кинокамерой. Один на один со зрителями (и ведь кто-то из них пришел «на Костолевского»), удастся ли сказать о самом сокровенном?

Режиссерский почерк А. Гончарова нелегко для прочтения. В том числе и теми, кто по его указаниям занимает место на подмостках Театра им. Вл. Маяковского. Требования его к исполнителю куда большие, нежели у иных кинорежиссеров, уверенно набирающих номер квартирного телефона «беспротестного» актера Костолевского. Но именно в этой жесткости условий работы, в этом мучительном преодолении себя самого видится ему достойное продолжение первых удач и открытий актерской биографии. Вот только побольше бы помощников актеру в этом естественном для него стремлении. Чего греха таить — не только в кино, но и в театре уже давно бы стоило ему работать разнообразнее и интереснее. Недавно в просмотрном зале увидел отрывки из снятого на киностудии «Молдова-филм» по заказу Центрального телевидения нового фильма «Ошибка Тони-Вендиса». Уже после первых кадров стало очевидным — резкий, принципиальный уход от себя прежнего.

Как-то в разговоре с Игорем вспомнили весьма неопределенное — из мемуаров, что ли, — выражение «актерское счастье».

— По-моему, — сказал он, — осознается оно, когда сам повод уже давно перебазируется в прошлое. Скажем, только сейчас я понимаю, что был счастлив, когда работал в театре над Голубковым в булгаковском «Беге», в «Банкроте» А. Н. Островского, над ролью Анненкова или «Безымянной звездой» в кино. Только сейчас, но не тогда.

Не вычислить суровой логики актерской судьбы. Не предугадать, с каким настроением завершится завтрашний, отнюдь не восьмичасовой рабочий день. Остается лишь вера в огромный смысл своего труда, в результаты которого, помимо тебя, заинтересовано столько людей.

Об этом я подумал, выходя из гримборной Театра им. Вл. Маяковского, осторожно прикрывая дверь с маленькой табличкой: «Б. Тенни, В. Самойлов, И. Охлупин, А. Ромашин, И. Костолевский». И еще вспомнил фотографию, что висит у Игоря дома в доброе напоминание об уже познанном пленительном актерском счастье и мудрое предупреждение о его непостоянстве. Ту фотографию подписал кинорежиссер В. Мотыль: «Кто знает, не светила ль нам тем летом та самая звезда...».

● Артист театра и кино
Н. Костолевский.
Фото В. Плотникова.